

БЕЛАЯ РУСЬ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

ЮРИЙ ФАТНЕВ

КЛЮЕВ

Ни Блок, ни Есенин, ни Анна Ахматова —
Нёс Клюев Россию сквозь мусорный гам,
Как соты, какие для всех запечатаны,
Открыты его чародейным устам.

Никто ведь не ведал, что так он расколется,
Как с дуба сорвавшись, громоздкая борть —
И ах! Медуницей пропахла околица
И в сладкий полон государства берёт.

Вы чудо, конечно, опять прозеваете,
А он себя с лебедем старым сравнил,
Не раз осенявшим словесные заводи
Во тьме светозарными вспышками крыл.

Он Блоку кружил волхованьями голову,
В Ахматовой видел жасминовый куст.
Есенина вёл он шляхами раскольными
И Пашку кормил, словно птенчика, с уст.

И слово повесил гремуче-цветистое,
Пускай колоколится шея-дуга.
Россию такими украсил монистами,
Чтоб помнила щедрость его, жениха.

Горел, как перстёнок, никем не прирученный,
В котором мерцали мемфисские сны.
А канул в тайгу неоглядно-дремучую —
Попробуй найди его и оцени.

* * *

Можно жить и здесь, беды не зная,
Обрести и славу, и уют.
Но в Россию снова зазывая,
Облака на Брянщину плывут.

То Клинцы под ними, то Унеча,
То Трубчевск, то Стародуб, то Мглин.
Но нигде друзей своих не встречу,
Я один на родине, один.

И никто на Брянщине любимой
Не заметит, не расслышит зов.
Это я скользнул сегодня мимо,
А не только тени облаков.

ИННА СПАСИБИНА

* * *

Всё снопы да скирдочки
На юру —
Я пшеницу веяла
На ветру.
Чтобы ветры веяли
Помогли,
Я Ваюну кланялась
До земли.
Ох, не та пшеница уж!
Ох, не та:
Вперемешку с мятликом —
Лебеда.
Закрома по осени
Все пусты...

Как же будешь, Господи, веять Ты?!

Я об этом думаю
Уж давно:
А в моём-то колосе
Есть зерно?

ОБЕРЕГИ

Солнце ясное,
Солнце красное!
Научи меня
Словам ласковым,

Позабытым мной,
Позаброшенным —
Для любимого,
Для хорошего.

Ах ты, небушко
Необъятное,
Подскажи слова,
Да понятные!

Ой ты, реченька —
Стынь гаючая,
Подари слова,
Да певучие!

Росна травушка
Ты целящая,
Мне шепни слова —
Настоящие!

Суждено им стать
Счастья вехами —
Для любви моей
Оберегами.

АНЖЕЛА БЕЦКО

* * *

А молодость бьёт каблуками
упрямо, задорно и зло.
И мерит большими шагами
планету. Как ей повезло!

А старость плетётся коротким
шажком (нет грустнее шажка!)
до лавки ближайшей, где тётки
судачат о зле каблучка.

* * *

Весна. Начнётся всё сначала.
Растает мёртвый, стылый лёд.
И баржа встанет у причала
и брюхом к отмели прильнёт.

И будут жить на длинных палках
в скворешнях шумные скворцы,
и солнце плавиться в фиалках,
и строки строиться в столбцы.

Долой назойливые шубы!
Портнихи станут платья шить.
И серость душ пойдёт на убыль.
Вот только б зиму пережить...

ОЛЕГ САЛТУК

ПЕЧАЛЬ

Не выразить словом печаль,
Которой больней не бывает.
Лежит необъятная даль.
Мечтаю, ищу, догоняю.

Там где-то затерянный след
В черёмухах белых на взлесье,
Заря нерастраченных лет,
Извечная мамина песня.

Свою вспоминаю любовь,
Надеждам вернуться желаю.
Мне в чудо поверить бы вновь,
Да только чудес не бывает.

И всё как-то быстро прошло,
Тропинкою стала дорога...
Как в небе высоком светло
И как далеко нам до Бога!

ЮЛИЯ ЛОГВИН

* * *

Здравствуйте вам, не сумевшим себя уберечь от соблазна!
Здравствуйте вам, так бессовестно предавшим верных людей!
Можете клясться, что это уже не случится ни разу,
Только напрасно — ошибки хранятся в истории дней...

Здравствуйте вам, оступившимся в пропасть, но спасшимся — чудом!
Здравствуйте вам, заблудившимся в серости и пустоте!
Можно забыть, но другие — увы — не забудут!
Глупо твердить, что того, что случилось, никто не хотел...

Здравствуйте вам, затерявшимся путникам в улицах тёмных!
Здравствуйте вам, отыскавшим случайно спасительный свет!
Можно прожить, не почувствовав горечь ошибок свершённых...
Здравствуйте вам, и, надеюсь, прощайте на тысячу лет...

ВИКТОР КУЦ

КРАСНАЯ ГЛИНА

Травой заросший
Глиняный карьер.
Лесной массив
Полукольцом широким:
Земля трагичных
Судеб и потерь,
Забытый Богом
Угол злого рока...
Крутой подъём.
Полянка. И сосна,
Застывшая над
Красной пастью ямы.
Из года в год
Промокшая весна
Багрянцем глины
Красит дол упрямо...
Одно лишь помню я
Со слов отца:
Здесь по ночам
Бесились автоматы...
Молчит сосна,
Немая от свинца.
Молчат и те,
Что на штыках распяты.
Следы от пуль
Шершавы и остры.
Кора в рубцах
Диковинных и длинных.

А лунной ночью
Светятся костры
На красных жилах
Выветренной глины.
Давно уж души
Приютил Господь,
Полегших здесь
За Родину и Веру...
А сколько их —
Без имени, — чью плоть
Навек укрыли
И молчат карьеры?..

* * *

Красная смородина,
Домик у реки.
Как распутать
Пройденных
Мной дорог клубки?
В памяти натруженной
До сих пор мила
Та дорога с лужами,
Змейкой из села.
Милая дороженька,
Взгляд из-под руки...
Что так настороженно
Смотрят старики?
Не могу иначе я:
Радуга в глазах...
Шёл я за удачею:
Без неё — назад.
Сто дорог объезжено,
Тысяча — пешком.
Ягода ты нежная,
Только в горле ком.
Дворик неухоженный,
Не туман-дурман...
Красная смородина:
По рублю — стакан.

КАТУСЬ ЖУК

Я ВСПОМНИЛ

Январское утро. Хрустящий снежок.
Очерченный инеем, высится город.
Кварталы и улицы меряя в холод,
Отцовский припомнил я вдруг кожушок.

И кликнули дали лесной стороны
Меня в отчий дом, где в узорах окошки,
И капли смолы, как янтарные крошки,
На шрамах посаженной дедом сосны.

Там сани берут от крылечка разбег,
Там лето в стогу, его впрок накосили.

А спустится вечер, ядрёный и синий, —
Синеет печально сосняк, словно снег.

Как славно, что есть за лесами село,
Где жёрнов крутил я когда-то проворно —
Так быстро, что гул его, вечно мажорный,
Как песню, над мирной землёю несло.

* * *

За селом, на вечерней меже,
Привиденьем взметнётся берёза...
Разольётся тепло на душе,
Умиленья уронятся слёзы.

Оторвись от забот на бегу
И замри, околдованный тишью.
Слышишь: шепчутся листья вверху,
Птиц в зелёных ладонях колышут.

Этот луга хмельной аромат
Льётся в грудь — наслаждайся и слушай.
И ручей, что бежит наугад,
Звонкой радостью просится в душу.

Миг раздумья!.. Сквозь роздыми лет
Возвращаться мне к этим истокам,
Где оставил навеки свой след
Вешним нивам, лугам и дорогам.

* * *

Детишки кормят во дворе коня.
В прищурах глаз — и радость, и смятенье.
Конь смотрит на мальцов с благоговеньем,
Не замечая взрослого — меня.

А я теперь в заоблачной стране.
Кормить коня — неужто не потеха?
И, удивлённый звонким детским смехом,
Расхохотался аист на сосне.

ОЛЬГА БАЗЫЛЕВА

* * *

Закружит мягкий снег,
Набросит покрывало
На сонные дома,
Весь приутихший свет.
О лете загрустишь,
Но, как уже бывало,
Признаешь, что зиме
Конца и края нет.

Зима — как чистый лист.
Минувшего страницы
Опять переписать
Желанный редкий шанс.

И натканы холсты,
Чтоб нам принарядиться,
И явлена звезда,
Чтоб обнадёжить нас.

На маминых руках
И плачет, и смеётся
Младенец Иисус
Над грешною землёй.

Ты глаз не отведи,
И на тебя прольётся
Неугасимый свет
И неземной покой.

Перевод с белорусского
Георгия БАРТОША

ВАЛЕРИЙ МАКСИМОВИЧ

ОЗАРЕНИЕ

Мне показалось, океаны все
И реки в миг один остановились,
Когда твои глаза во всей красе
Сияньем лучезарным озарились.

Остановилось время на земле,
И замерло небесное светило,
Когда глаза в пьянящей тишине
Мне улыбнулись празднично и мило.

Был таинством наполнен этот миг,
На свете ни на что нисколько не похожий.
Казалось мне, я истину постиг
И словно вечность в миг единый прожил.

О, мой святой, мой милосердный Бог,
Благодарю тебя за озаренье,
За то, что вопреки всему я смог
Увидеть это чудное виденье.

За то, что звуки во Вселенной всей
Вдруг замерли, застыли, замолчали,
И лишь глаза одни — во всей красе —
Божественной мелодией звучали.

ПТИЧЬЕ ПЕНЬЕ

Я птиц люблю родные голоса
И чувствую такое упоенье,
Когда сады, луга, поля, леса
Заполняют дружно птичье пенье.

Создания Божьи в мире не молчат:
Обида ль гложет или давит мука,
Они, как могут, выдохнуть спешат
Рождённые в горниле сердца звуки.

И льётся в выси чистая струя...
Неведомой никем взбодрившись силой,
Вдруг певчей птицей и душа моя
На крыльях мощных в небо воспарила.

Какой полёт, какая глубина!
И ширь земная — без конца и края!..
Поёт моя душа, поёт она,
Глухую боль в себе преодолевая.

И на земле, и в небе в дивный час
Божественное пенье раздаётся...
Но лишь по-настоящему сейчас
Я понимаю, как та песнь зовётся.

ОЛЬГА ПЕРЕВЕРЗЕВА

* * *

Их разделяют три войны.
Но кровь — не шутка-то на деле:
Иваны оба, и видны
Две схожих родинки на теле.

И Ванька-внук, когда разбит
Курносый нос шпанюю местной:
“Мне, дед, лишь родинка болит.
Мне и не больно, — скажет, — честно”.

Великий Май. Парад Побед.
Под вечер все медали спрячут.
И Ванька-внук: “Где больно, дед?”
“Мне Родина болит”. И плачет.